

В современной России всё меньше числом тех, кто творил великую культуру двадцатого столетия, а в ней — литературу и искусство. Культура — это Култ Света со Смыслами человеческого бытия. Свет от Солнца и от Личностей на Земле.

Валентин Яковлевич Курбатов — в ряду светоносных Личностей. Даже его внезапная смерть — вполне символическая. Он упал на улице, неся домой для жены букет цветов в честь праздника Восьмое марта. В России все праздники — в исторической традиции, по мужской и женской линии, как величания Христа и Богородицы. Следование традиции в культуре можно назвать основным мотивом, национальным кодом в творчестве Валентина Курбатова, автора многих книг по русской литературе. Ему и Государственная премия в 2019 году вручена «за вклад в сохранение и развитие традиций русской литературы». Он, по отзывам современников, возражал, когда его называли писателем. Но и определение «литературный критик» не отражает полноты его литературной деятельности. Как известно, все сравнения хромают, а научные дефиниции не отражают всей реальности жизни. Валентина Курбатова чаще называли и называют и литературным критиком, и литературоведом.

Ведать — это знать, ведение дел — тоже знание. Есть среди людей и те, кто не ведаёт, что творит. Веды — древняя славянская мифология. На языке санскрита в Индии есть «Ригведа» и другие «веды». Историческое арийское родство.

Валентин Курбатов имел энциклопедические знания по истории русской культуры и литературы. Но он не был академическим учёным, филологом, лингвистом или ещё кем-то. Его творчество — живой литературный процесс, духовный отклик на все значимые произведения писателей современников и защита классической русской культуры от извращения её русофобами и либералами, холопами Европы. Особым попечением в его историко-культурных взглядах отмечался русский язык. В одной из своих статей он так отвечает хулителям отечественной словесности: «Тут бы и впасть в отчаянье, видя разгулявшееся зло, которому поперёк слова не скажи, чтобы не вписали в цензоры и мракобесы и не обозвали бранным словом „патриот“. А только родной язык

наш ещё за себя постоит, потому что с ломоносовской поры стоит: „Языка нашего небесна красота не будет никогда попрана от скота“ — и со школьной скамьи помнит и тургеневское: „Нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу“». Русский народ не сирота в «цивилизованном человечестве», а сам создатель мира и служит образом служения высоким духовным ценностям — «обожению человека», как мыслили Владимир Соловьёв, Константин Леонтьев и все русские философы-космисты.

Осознание роли русского языка в национальной культуре Отечества привело Валентина Курбатова к произведению выдающихся писателей, наследников традиций и языкотворцев В. Астафьева, В. Распутина, В. Белова и других «деревенщиков». Деревня, может, и умерла или преобразовывается, но корни русского языка прорастали в деревне и в город пришли, взламывая асфальт урбанизации. Нынешняя экологизация сознания поворачивает городских жителей в сторону сельской местности, на лоно природы, пока она ещё не вся отравлена. Переселение на дачные усадьбы, их разрастание вокруг городов даёт надежду на реинкарнацию «Руси избяной».

Виктор Петрович Астафьев попробовал «преlestей» в Перми, в «металлическом» Чусовом, в Вологде, да и приехал на завершение жизни в родную Овсянку, она — родина литературного шедевра «Последний поклон». Валентин Григорьевич Распутин тоже имел дачку на Байкале и написал там поразительное эссе о сути творчества. Глубинная связь с Почвой, порождающая национальные характеры, естественно рождавшиеся в книгах писателей, как раз и подвигли Валентина Курбатова на сочинения о выразителях кодов национального бытия в повторении вечного и вечного повторения в России.

Есть в моей биографии факт связи с В. Я. Курбатовым в издательской заботе о поддержке и продвижении творчества В. П. Астафьева. В 1983 году я подписывал с критиком договор в Красноярском книжном издательстве об издании его первой книги о писателе, переехавшем из Вологды в Овсянку. С В. П. Астафьевым я знаком с 1976 года, был участником переговоров о его переезде, способствовал исполнению условий, которые он поставил: «Как

встретит меня моя родина?» Встретила хорошо, обеспечила всем необходимым!

Книга В. Я. Курбатова «Миг и вечность» (1983) — «размышления о творчестве В. Астафьева». В аннотации сказано: «Художник, обладающий народной идеей жизни, бесстрашной социально-нравственной позицией, в полной мере владеющий сокровищами родного языка, — таков известный советский писатель, лауреат Государственных премий Виктор Астафьев в восприятии литературного критика В. Я. Курбатова». Рецензию для издательства на эту рукопись сделал Н. Н. Яновский, автор многоотомного «Литературного наследия Сибири», писавший об Астафьеве раньше Курбатова.

У этих исследователей разная методология в подходах к творчеству писателей. Н. Н. Яновский — академик, скрупулёзно изучающий литературные тексты, сюжеты, фабулы, образы, стилистику. В. Я. Курбатов не склонен пересказывать писательские биографии, его, как он сам заявил, интересует «художественная философия» произведения. Наверное, на подобное мышление повлияли и журналистская практика, близкая к публицистике, и кинематографическое образование (вГИК), потребность в концептуальном, концентрированном взгляде на жизнь, исполненную в ролях актёров. Язык кино ближе к поэзии, чем к прозе. Поэзия афористична, мгновенно эмоциональна. Валентин Курбатов пишет о литературе «литературно», а Н. Яновский — абстрактно-суховато. В. П. Астафьев уважал Н. Н. Яновского, ценил его огромный исследовательский труд, но любил больше то, как пишет В. Курбатов, как оценивали его другие критики-писатели.

Вопрос о «художественной философии» в русской литературе тоже непростой. Всегда считалось, что русская философия онтологична (философия жизни), а гносеологии (бытие и сознание) в ней мало или есть, то в европейской традиции — в категориях «логического монастыря», как говорил А. И. Герцен, познавший Запад. Поэтому великая русская литература является одновременно и философской, что несвойственно литературе европейской. Там более чёткое разделение ролей и функций. Художественная литература Запада увлечена действием, приключениями, авантюрами, путешествиями и нашествиями. А в русской художественной литературе много раздумий о смысле жизни, герои созерцательны, с «томлением духа», и порой ленивы, «лишнего не надо». Динамические типы-характеры пришли в русскую советскую литературу после индустриализации городов, развития в них промышленности. Поэтому, в силу традиционной «фольклорной» души, «производственные романы» критикуются, а «деревенские» одобряются как «народные». В знаменитой повести В. Астафьева «Царь-рыба» городской человек терпит крах, а таёжный герой Аким тянет на идеально

нравственного героя. В книгах Виктора Петровича нет положительных героев из числа городских жителей. «Последний поклон» — это гимн народной нравственности, его бабушке Катерине Петровне, того, что выросло на сельской почве, хотя Овсянка уже была между деревней и городом — как маргинальное явление, как возмездие за порушенные деревенские общинные традиции.

Эту «художественную философию» глубоко разглядел Валентин Курбатов в книгах «деревенщиков». И отношение «писатель и народ» становится главной темой творчества не риторично, не пафосно, а по сути, по родству.

В книге «Миг и вечность» Валентин Курбатов в «оправдании жанра» убеждает читателей и ценителей литературы в том, что «художник почти всегда пишет автобиографию, даже если его книги посвящены вовсе отвлечённым проблемам. Русский же художник — в особенности. Наша проза и поэзия часто склоняются к анализу „я“, к тому материалу, что более всего под рукой, и достигает на этой дороге редких глубин. Это „я“ никак нельзя путать с тем обыденным личным местоимением, которым мы утверждаем себя в мире. В „я“ художника прозреваются замысел судьбы, все столкновения противоречий мира, идущие через человеческое сердце, и когда он на этой дороге видит своё обычное житейское „я“, то видит и его как чужое и свидетельствует о нём с объективной свободой и полнотой».

Можно сказать, что такой подход к художникам слова является у В. Курбатова методологически основным. Он не раз в своих книгах о писателях разворачивал этот метод в доказательных разъяснениях. В обширном предисловии к собранию сочинений В. П. Астафьева в четырёх томах (Москва, 1979) В. Я. Курбатов повторяет и развивает этот метод ещё в одном аспекте: «Во взаимоотношениях Астафьева с сюжетом, во всей долгой неявной борьбе с ним продолжается гоголевско-толстовская традиция. Свободное, сюжетно ослабленное повествование вообще в характере нашего рассказа — и писанного, и устного. Есть в таком строе и хорошие перспективы. Астафьев не один в холодных отношениях с сюжетом, но у него эта холодность не следствие художественного расчёта, а следствие противоречия органической полноты памяти и избирательной рамы формы (способ преодоления этого противоречия), следствие природного здорового развития таланта».

Таким образом, личность писателя, его «художественная философия» и есть главный объект и субъект в исследованиях критика-литературоведа. Но тут, как говорится, знай край, да не падай. Отождествление личного местоимения «я» с художественным «я» исключается. Валентин Курбатов приводит жёсткое замечание М. М. Бахтина (авторитета для всех критиков и литературоведов):

«Абсолютно отождествлять себя, своё „я“ с тем „я“, о котором я рассказываю, так же невозможно, как невозможно поднять себя самого за волосы». Это традиционно глубоко философская и литературная проблема, начиная со «Слова о полку Игореве», где «боян бо вещей» обращается и к самому себе. Гавриил Державин напишет о «я»: «царь, раб и червь». Михайло Ломоносов сказал, что он не хочет выглядеть «дураком» даже перед Богом. Александр Сергеевич Пушкин, «наше всё», навсегда заявил: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», — и др.

Валентин Курбатов много думал об этом и применял метод различения «я — не я» и в отношении избранных для себя писателей, и к самому себе. Не случайно в год своего восьмидесятилетия со дня рождения он, лауреат Пушкинской премии (учреждённой в Германии), опять обратился к личности А. С. Пушкина и написал: «Дальше... только великая литература...» («Слово о Пушкине»). В этом эссе сильно напряжена мысль о диалоге «поэт и толпа» (и страшное слово «чернь»), Божий суд и судилище: «Он узнал это первым и первым сформулировал закон, справедливость которого подтвердили с той поры многие русские поэты: „Ты царь: живи один“. Пройдёт несколько десятилетий, и русская мысль догадается, что исток этой драмы в отношении поэта и черни был того же религиозного свойства. И если поэт говорил о „божественном глаголе“, то его так и надо было понимать, и если уподоблял душу орлу, то знал, что читатель сам подставит с колыбели слышимое в храме „обновится, яко орля, юность твоя“. Он возвращал слову его евангельскую силу и подлинность, называя мир его действительным именем, почти не зная слова „или“ и уходя от сравнения, чтобы никакое „как“ не оскорбляло единичности жизни. <...> И будет ясно, что другой судьбы, кроме жертвенной, у такого поэта быть не могло».

В этих суждениях В. Курбатова есть два подтекста: первое — между А. Пушкиным и народом («толпой и чернью») во взаимоотношениях была какая-то евангельская ясность, чистота (божественный диалог равных); второе — при всех условиях поэт-пророк обречён на жертву. Какой-то трагический вывод самого В. Курбатова. Есть одна никем не разгаданная тайна. После смерти великого поэта, после всех потрясений и войн в России, после утраты в ней «евангельского слова» между Пушкиным и народом не исчезли их

доверительные отношения. В 1937 году, к столетию гибели «солнца русской поэзии», в стране было издано полное академическое собрание сочинений поэта-жертвы. Его стали читать все люди, от мала до велика. Он всем доступен и понятен без упрощения. «Божественный глагол» возымел действие. «Чернь» просветлела. А вот Боратынского и других современников и даже последователей Пушкина такая «жертвенность» не постигла. Тайна сия велика есть.

В заключение своей статьи Валентин Курбатов пишет о Пушкине: «Он был первый поэт России. Он был её последний поэт. Он был золотой образец, явленный Богом миру как символ лучшего в русском сознании, русском языке, спасительном небесном единстве. „Судьбы свершился приговор“, „Солнце русской поэзии закатилось...“ Дальше была только... великая литература...» Вывод парадоксальный. Всё великое в мире — от Бога. К Нему оно и уходит.

Сам Валентин Яковлевич Курбатов — явление в русской культуре и литературе неординарное. И его отношения с верой, с церковью, с Россией, с народом тоже не без противоречий. Нам, сибирякам-красноярцам, дорог он дружбой с Виктором Петровичем Астафьевым, которого он тоже раскрыл и оценил по-особому, откровенно, смело, не замазывая переломов в судьбе и в творчестве друга, видя его «жертвенность» — верность самому себе, пошедшему на общественную голгофу романом «Прокляты и убиты». Фаворского света не получилось, но пламя есть. Именно Валентин Курбатов рискнул заявить о романе «Прокляты и убиты» следующее: «...это первое христианское прочтение той войны. Первое. До этого не было. И это похоже на то, как описывал войну Толстой. Как нечеловеческое дело, прежде всего. Люди не имеют права заниматься таким». Только как понимать откровение в Евангелии от Матфея, где от имени Христа сказано: «Не мир я принёс вам, а меч»? И война бывает Священной. Будем считать, что людям пока ещё не дано разрешить все противоречия в земной жизни, потому люди и грешны изначально.

А по смерти Валентина Яковлевича Курбатова мы скорбим. Он — выдающийся человек в «художественной философии», он литератор-боец, защитник Отечества на полях русского языка, народных традиций, национального самосознания. Вечная память ему.